

ВЛАСТЬ МОНАРХА АБСОЛЮТНА, НО НЕ ПРОИЗВОЛЬНА: ЛЮДОВИК XVI И ПАРЛАМЕНТЫ В 1774 Г.

Л.А. Пименова

Люди, жившие в XVIII в., не знали термина «абсолютная монархия». Они говорили о монархии с «абсолютной властью» короля. Интерпретации этого понятия у разных авторов отличались друг от друга и менялись со временем. Задача данной статьи – выяснить, как понимали его представители правящей элиты Франции в самом конце Старого порядка. Мы рассмотрим эту обширную тему преимущественно на примере одного эпизода – отмены реформы Мопу.

В истории французской монархии не раз наступали критические моменты, в ходе которых заново определялось или менялось направление развития государства на годы и десятилетия вперед. В таких случаях обычно получала импульс теоретическая мысль, и современники вновь и вновь предавались размышлениям о том, что представляет собой французское государство, как его можно определить и классифицировать и что такое абсолютная власть короля Франции. Один из таких моментов приходится на лето-осень 1774 г. В ноябре того года состоялось королевское заседание Парижского парламента и в обстановке всеобщего воодушевления его прежние магистраты вернулись к исполнению своих обязанностей. Это событие представляло собой поворот в истории французской монархии. Три года тому назад, в самом конце правления Людовика XV в ответ на очередной подъем парламентской оппозиции канцлер Рене-Никола де Мопу осуществил радикальную реформу, в ходе которой компетенция парламентов была ограничена, сами парламенты реорганизованы, система продажи судебных должностей ликвидирована. Парламентские магистраты превращались в назначаемых королем государственных чиновников на

Людмила Александровна Пименова, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

жаловании. Непокорных магистратов Парижского парламента отправили в ссылку и на их место набрали новый, численно меньший состав. Аналогичному реформированию были подвергнуты и провинциальные парламенты. Наряду с парламентами были распущены и реформированы другие суверенные курии Парижа и провинций: Большой совет, Счетные палаты, Палаты косвенных сборов, провинциальные Суверенные советы. В результате парламенты оказались полностью подчинены королю и, таким образом, был уничтожен постоянно дававший о себе знать на протяжении XVIII в. очаг оппозиции, а власть короля обрела более, чем когда-либо прежде, «абсолютный» характер.

Реформа Мопу вызвала настоящий политический кризис. К концу 1771 г. несколько сот судей оказались в ссылке, большинство принцев крови осуждали принятые меры, некоторые высшие военные и даже два интенданта отказались подчиниться приказам и поддержали местные парламенты. Противники Мопу развязали памфлетную войну в невиданных ранее размерах и гневно обличали «деспотизм» канцлера. Их поддержало почти все просвещенное общественное мнение, за исключением Вольтера. Современники называли парламентскую реформу «государственным переворотом», в результате которого были уничтожены институты, гарантировавшие соблюдение законности и правосудия в стране, и монархия превратилась в деспотию¹.

Спустя полгода после восшествия на престол Людовика XVI (май 1774 г.) реформа Мопу была отменена, а парламенты и прочие суверенные курии восстановлены в их прежнем виде и с прежними полномочиями. Это стало одной из первых крупных политических акций молодого монарха. Отклики современников на восстановление старых парламентов были противоречивыми. Преимущественно реакция общества была восторженная. Короля прославляли за доброту и справедливость. Правда, некоторые считали этот шаг неосторожным.

Историки же не раз критиковали этот шаг монарха и устанавливали причинно-следственную связь между ним и политическим кризисом 1787-1788 гг., важнейшей движущей силой которого явилась именно парламентская оппозиция. По словам Э. Фора, «парламентская оппозиция

---

¹ О реформе Мопу и спорах вокруг нее см.: *Flammermont J. Le chancelier Maupeou et les parlements.* P., 1885; *Bloch A. Maupeou, ses tribunaux, ses réformes.* P., 1887; *Villers R. L'organisation du Parlement de Paris et des conseils supérieurs d'après la réforme de Maupeou (1771-1774).* P., 1937; *Egret J. Louis XV et l'opposition parlementaire (1715-1774).* P., 1970; *Echeverria D. The Maupeou revolution. A study in the history of libertarianism, France, 1770-1774.* L., 1985; *Antoine M. Sens et portée des réformes du chancelier de Maupeou // Revue historique.* 1992. T. 288. № 583. P. 39-59; *Swann J. Politics and the Parlement of Paris under Louis XV, 1754-1774.* Cambridge, 1995. P. 368.

в XVIII в. – одна из главных (событийных) причин падения режима»². Получалось, что в 1774 г., едва взойдя на престол, король сам по доброй воле и по недомыслию создал себе на погибель опасного врага.

Споры о последствиях отмены реформы Мопу для судеб французского государства продолжают по сей день. Нас же будет интересовать другое, а именно проявившиеся в этой истории характерные черты теории и практики французской монархии, которую мы привыкли называть абсолютной.

* * *

В отличие от восстановления полномочий Парижского парламента регентом герцогом Филиппом Орлеанским в 1718 г., поступок Людовика XVI, казалось бы, не имел смысла и не приносил королю политических дивидендов. Чем же был вызван столь решительный разрыв между монархией Людовика XV и монархией Людовика XVI? Была ли у молодого короля своя концепция монархии, отличавшаяся от той, которой придерживался его дед, или же совершенный по его воле крутой и опасный поворот объяснялся политической неопытностью?

Что касается доктрины монархии Людовика XV, то наиболее полным и подробным ее изложением считается речь короля в Парижском парламенте во время так называемого сеанса Бичевания 3 марта 1766 г. Проведенная несколько лет спустя реформа Мопу стала практическим осуществлением идей, прозвучавших в этой речи. Французский историк М. Антуан назвал ее «политическим завещанием» Людовика XV³. Ее автором в основном был государственный советник Пьер Жильбер де Вуазен, а в парламенте от имени короля текст прочел первый генеральный адвокат Жан-Омер Жоли де Флери. В этой программной речи, составленной и произнесенной в момент подъема парламентской оппозиции, центральное место, естественно, занимала проблема взаимоотношений короля и парламентов. В ней утверждался принцип волеизъявления короля как источника власти в стране: «Магистраты суть мои служащие, уполномоченные исполнять от моего имени поистине королевский долг вершить суд над моими подданными; эта функция связывает их с моей особой и делает их всегда достойными уважения в моих глазах». Парламенту от имени короля напомнили

---

² Фор Э. Опала Тюрго, 12 мая 1776 г. М., 1979. С. 135.

³ Antoine M. La monarchie absolue // The French Revolution and the creation of modern political culture. T. 1. Oxford, 1987. P. 5.

«священные и незыблемые максимы»: «что только в моей персоне заключена суверенная власть, которую характеризует дух совета, правосудия и разума; что только от меня мои курии получают существование и власть; что полнота власти, которую они отправляют только от моего имени, всегда остается во мне и она никогда не может быть использована против меня; что лишь мне одному принадлежит законодательная власть всецело и безраздельно; что лишь по моей воле служащие моих курий могут не создавать, но регистрировать, публиковать и исполнять законы и что им дозволено подавать мне ремонстрации, как подобает добрым и полезным советникам; что весь общественный порядок исходит от меня и что права и интересы Нации, которую осмеливаются представлять корпусом, отдельным от Монарха, невозможно отделить от моих собственных и они находятся в моих руках». Речь монарха утверждала не только идею полного и безраздельного королевского суверенитета, но и концепцию государственного устройства, основанного на разграничении и гармоническом единении трех сословий. Судьи в государстве являются лишь должностными лицами, назначенными королем, но не составляют особого сословия: «Магистратура не образует ни корпуса, ни сословия, отдельного от трех сословий Королевства». Претензии парламентов на образование «воображаемого корпуса» способны лишь нарушить «гармонию Монархии»⁴.

Анализируя текст этой речи, М. Антуан обратил внимание на то, что в ней лишь один раз, в конце предпоследнего абзаца встречается ссылка на Божественную природу королевской власти. Историк усматривает в этом лишнее подтверждение процесса десакрализации королевской власти, затронувшего, в том числе, и политическую элиту Франции⁵. Стоит также подчеркнуть, что в данной речи власть короля характеризуется как «суверенная», «полная», «безраздельная», но словосочетание «абсолютная власть» не употреблено ни разу. Разумеется, к 1760-м годам в оппозиционной, прежде всего парламентской, литературе оно уже обрело негативные коннотации и ассоциировалось с понятием «деспотизм». Но, как мы увидим, апологеты сильной королевской власти не стали его избегать. Скорее всего, с точки зрения составителя речи, понятие «суверенная власть» было более емким и содержало в себе идею абсолютной власти.

В целом, изложенные в речи короля представления вписывались в русло классических идей Ж.Б. Боссюэ, согласно которым абсолютная

⁴ Séance royale dite de la Flagellation, 3 mars 1766 // Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / Publ. par J. Flammermont et M. Tourneux. 3 vol. T. 2. P., 1895. P.556-558.

⁵ Antoine M. La monarchie absolue. P.14-15.

власть монарха характеризуется, с одной стороны, отсутствием «сдержек и противовесов» (государь ни перед кем не отчитывается за свои распоряжения, вынесенный им приговор является окончательным и обжалованию не подлежит и никто не смеет противодействовать его воле), а с другой, – обязательным соблюдением законов⁶. Вместе с тем, акцент в речи 1766 г. явно был сделан на первой составляющей. Автор речи Жильбер де Вуазен исходил из того, что в обществе, разделенном на сословия, король является олицетворением единства, арбитром и гарантом порядка. Об обязанности короля уважать и соблюдать законы сказано не было.

Принципы, изложенные в программной речи короля, нашли воплощение и в принятой по инициативе канцлера Мопу в ноябре 1770 – феврале 1771 г. серии законов об отставке прежнего состава Парижского парламента, об упразднении старых парламентов и замене их высшими советами, об отмене продажи и наследования судейских должностей и порядке выплаты компенсации их собственникам⁷. Законы 1771 г. отражали концепцию монархии, согласно которой единственным источником любой власти в государстве является воля короля. Король отвечает за свои дела лишь перед Богом и не обязан объяснять подданным причины принимаемых им решений. В указах о парламентской реформе ее законность и целесообразность мотивировались двумя главными соображениями. Во-первых, тем, что прежние парламенты саботировали нормальное отправление правосудия в стране. Во-вторых, тем, что их следовало наказывать за «непослушание» (*désobéissance*) королевской воле⁸. В текстах королевских деклараций и эдиктов признавалось существование так называемых фундаментальных законов монархии – «священных объектов» (*objets sacrés*), «институтов, изменить которые мы, к счастью, лишены возможности и стабильность которых всегда будет гарантирована нашими интересами, неразрывно связанными с интересами наших народов». Но под фундаментальными законами подразумевались исключительно «законы, которые устанавливают наследование короны», но ни в коем случае не права и полномочия парламентов⁹.

Выступая в Парижском парламенте во время принудительной регистрации нового дисциплинарного регламента, Мопу аргументировал

---

⁶ *Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte, à Monseigneur le Dauphin. Ouvrage posthume de messire Jacques-Benigne Bossuet. P., 1709. P. 118-124.*

⁷ *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789 / Par MM. Jourdan, Decrusy, Isambert. 29 vol. P., 1826-1829. T. 22. P. 510-518.*

⁸ См., например: *Lettres patentes qui commettent les officiers du conseil pour tenir la cour de parlement, 23 janvier 1771 // Recueil général des anciennes lois françaises. T. 22. P. 510-511.*

⁹ *Edit portant création de conseils supérieurs, février 1771 // Ibid. P. 513.*

свою реформу, исходя из принципа нераздельности королевского суверенитета. Как образно сказал канцлер, «вспомните, как были учреждены парламенты; проследите их историю; вы увидите, что само свое существование и власть они получили от короля, но вся полнота этой власти по-прежнему остается в той руке, которая ее дала». Все существующие государственные учреждения, включая парламенты, не имеют никаких полномочий, кроме тех, которыми их наделил король, и обязаны беспрекословно ему подчиняться. В противном случае, «лишенный важнейших прав Короны, зависимый в установлении законов, зависимый в их исполнении, Король сохранил бы лишь одно название и бледную тень Суверенитета»¹⁰. «Е.В., отвечающий перед одним только Богом за управление своим королевством, мог бы скрыть в своем сердце мотивы, которые определили его поступки»¹¹, – говорил Мопу королевском заседании, посвященном учреждению нового парламента взамен упраздненного. Более развернуто выразил ту же мысль первый президент Руанского парламента Арман-Тома Ю де Миромениль¹² в письме государственному секретарю А.Л.Ж.Б. Бертену: «Король царствует (в самом деле, следуя законам), но он царствует, а не президентствует, потому как никто не должен и не может сравниться с его августейшей персоной; президент есть *primus inter pares*, но Король есть образ Бога, ибо он получает корону от самого Бога и лишь перед Богом отвечает за то, на что он употребляет свою власть»¹³.

Необходимость отменить продажу судебных должностей аргументировалась двояко. Во-первых, тем, что практика продажи должностей ограничивает короля в подборе лиц, наделенных властью от его имени и по поручению. Во-вторых, тем, что при такой практике судьями становятся не самые способные и достойные, а самые богатые. Оба эти аргумента изложил Мопу, выступая во Дворце правосудия в феврале 1771 г.: «Продажа, введенная в силу обстоятельств, очевидно унижает августейшую должность, заставляя покупать право исполнять ее. Она

¹⁰ Lit de justice pour l'enregistrement de l'édit de novembre portant règlement de discipline, 7 décembre 1770 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. P. 164-165.

¹¹ Lit de justice pour l'installation du nouveau parlement, 13 avril 1771 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. P. 189.

¹² Впоследствии, после опалы канцлера Мопу он будет назначен хранителем печатей. Примечательно, что Миромениль был убежденным противником реформы Мопу. Однако в своих взглядах на природу и полноту монаршей власти он оказался весьма близок к канцлеру.

¹³ Miromesnil à Bertin, 4 février 1771 // Correspondance politique et administrative de Miromesnil, premier président du parlement de Normandie / Publ. par P. Le Verdier. 5 vol. Rouen, P., 1899-1902. Т. 5. P. 268.

делает выбор Государя не столь лестным и отнимает у достоинства часть его награды, отдавая ее богатству», и потому отмена этой порочной системы призвана вернуть «Магистратуре ее исконный блеск»¹⁴.

Сторонники парламентской реформы говорили о том, что, проведя ее, король продемонстрировал свою абсолютную (в данном случае, читай, неограниченную) власть. Об этом ясно сказал при учреждении нового парламента его первый президент Луи-Жан Бертье де Совиньи: «В этом месте и в этот день, когда все возвещает самое абсолютное применение вашей власти, мы можем исполнять лишь один долг: долг молчания, уважения и покорности»¹⁵.

* * *

В мае 1774 г., в самый разгар реформы Людовик XV скоропостижно скончался и на престол вступил его девятнадцатилетний внук. В связи с этим, естественно, встал вопрос о преемственности политического курса. Воззрения молодого монарха представляли собой загадку для современников. Чтобы попытаться разгадать ее, в нашем распоряжении имеются юношеские размышления дофина Людовика-Августа, впоследствии короля Людовика XVI, о его беседах со своим воспитателем А.П.Ж. де Келаном де Коссадом, герцогом де Ла Вогийоном. В числе прочего будущий властитель Франции записал почерпнутые из книг и наставлений старших мысли о монархии, королевской власти, взаимоотношениях короля и подданных. В этих рассуждениях нашла отражение идея Божественного происхождения абсолютной власти короля, которую Людовик-Август поставил на первое место в числе фундаментальных законов французской монархии. Абсолютная власть, полученная королем свыше, – это власть одновременно законодательная, исполнительная и судебная: «Короли получили от Бога самую большую и абсолютную власть, какую Он когда-либо давал человеку над другим человеком: законодательство, чтобы просвещать; администрацию, чтобы удерживать в повиновении; юрисдикцию, чтобы наказывать и исправлять»¹⁶.

Достойным примером для короля может служить только Всевышний: «Король в справедливости своей должен, подобно самому Господу, быть таким же беспристрастным и милосердным; законы не должны

---

¹⁴ Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. Р. 187.

¹⁵ Lit de justice pour l'installation du nouveau parlement, 13 avril 1771 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. Р. 192.

¹⁶ Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon, par Louis-Auguste, Dauphin // Œuvres de Louis XVI. 2 vol. P., 1864. Т. 1. Р. 241.

быть слишком суровыми». Законы, призванные принести «счастье народам», должны быть «справедливыми, ясными и сообразными духу нации»¹⁷. Идеальным примером таких законов могут служить лишь «начертанные Божественной рукой» десять заповедей. Другой классический пример законотворчества, на который ссылается дофин, – римские законы Двенадцати таблиц, – по его словам, «содержали слишком краткий текст»¹⁸.

Власть короля наследник престола трактует как власть отеческую: «Все подданные короля – это его дети [...]. Монархическая власть и любая власть, которую любое правительство имеет над нацией, имеет своим принципом и своей основой отеческое управление; король, таким образом, – это отец большого семейства»¹⁹. «Первый принцип хорошего правления, – отмечает он, – есть человечность, доброта и благотворительность»²⁰. Этот принцип он будет исповедовать и взойдя на престол. Уже в более зрелые годы, рассуждая о качествах, необходимых правителю, он особо выделял доброту и справедливость: «Ради всеобщего счастья желательно было бы, чтобы короли были добрыми, но все же без излишней снисходительности, так чтобы доброта всегда была их достоинством и никогда – слабостью. [...] У короля, который царствует по справедливости, вся земля – храм, а служители в нем – все благородные люди»²¹.

Парламентам он отводил роль собраний мудрых советников, призванных помогать королю в его законотворческой деятельности, когда их об этом попросят: «Перед тем как издать закон, надо выслушать мнение самых мудрых и уважаемых магистратов; надо, чтобы законы отвечали духу нации и состоянию, в котором она пребывает»²².

Теоретик абсолютной монархии, оказавший особенно сильное влияние на взгляды Людовика XVI, – Франсуа Фенелон – наряду с признанием Божественной природы монаршей власти, неограниченного королевского суверенитета и обязанности государя уважать законы особо подчеркивал, что абсолютная власть означает не произвол, а лишь право короля выносить решения в последней инстанции. «Я, – писал Фенелон, – вовсе не подразумеваю под *абсолютной* произвольную власть делать все, что хочется, без каких-либо правил и оснований,

¹⁷ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguoyon*. P. 201.

¹⁸ *Ibid.* P. 201-202.

¹⁹ *Ibid.* P. 201, 212.

²⁰ *Ibid.* P. 197.

²¹ *Maximes, pensées manuscrites, notes marginales, observations et opinions de Louis XVI // Œuvres de Louis XVI*. T. 2. P. 6.

²² *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguoyon*. P. 202.

кроме деспотической воли одного или нескольких человек. Под *абсолютной* я подразумеваю только власть, которая судит в последней инстанции»²³.

Абсолютная власть, по словам дофина, должна уважать и защищать естественные права подданных. «Бог, – пишет Людовик, – облек королей абсолютной властью, за которую они отвечают лишь перед Ним; но эта власть по существу предназначена для того, чтобы сохранить подданным все блага, полученные ими от природы. Естественный закон и гражданские законы бессильны, когда власть, призванная обеспечить им уважение, обращается в произвол»²⁴. Вполне в духе своего просвещенного века он рассуждал в категориях естественного права. В числе принципов, которые, по мнению наследника престола, должны служить основой его поведения, он записал следующий: «Я должен рассматривать всех людей как равных и независимых по праву природы»²⁵. К идее равенства людей он возвращался и в более поздние годы. В период царствования он в одной из записных книжек высказал пожелание, чтобы «дистанция между народом и грандами стала меньше»²⁶.

Король, – утверждал дофин, – должен править по закону. Этому классическому принципу французской монархии он подыскал естественно-правовое обоснование: «Править людьми не значит поработать их. Людьми необходимо управлять, чтобы сохранить им свободу; поэтому народами надо управлять по общим законам, а не по частному произволу»²⁷. Юный Людовик не раз возвращается к мысли о том, что и абсолютная власть короля, и естественные права человека даны свыше. Они неотделимы друг от друга, как две стороны одной медали, именуемой французской монархией: «Любому правительству важно иметь абсолютную и неодолимую силу, которая способна всегда принудить к подчинению и над которой распушенность никогда не сможет возобладать. [...] Сущность французской монархии в том, что вся власть сосредоточена у одного короля, и нет здесь ни корпуса, ни частного лица, способного не подчиняться его власти. Любое мнение, умаляющее эту священную власть, всегда будет прямо противоречить фундаментальным законам французского правления. [...] Есть четыре естественных права, которые государь обязан сохранить каждому из

---

²³ Цит. по: *Gallonédec-Genuys F.* La conception du prince dans l'œuvre de Fénelon. Thèse pour le doctorat en droit. P., 1963. P. 78.

²⁴ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguion.* P. 212.

²⁵ *Ibid.* P. 193.

²⁶ *Pensées manuscrites de la main de Louis XVI et puisées dans les ouvrages de Stanislas Leczinsky, roi de Pologne, son aïeul // Œuvres de Louis XVI.* T. 2. P. 11.

²⁷ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguion.* P. 212.

своих подданных; они даны от Бога и предшествуют всякому политическому и гражданскому закону: это жизнь, честь, свобода и собственность на имущество, которым владеет каждый индивид»²⁸.

Таким образом, и в заявлениях, прозвучавших от имени Людовика XV, и в рассуждениях его внука власть короля трактовалась как данная свыше, безраздельно суверенная и бесспорно абсолютная. Но акценты в первом и во втором случае были расставлены по-разному. Для Людовика XV власть короля абсолютна, потому что так установлено свыше и не может быть иначе. Для Людовика XVI власть короля абсолютна, потому что так она лучше всего защищает естественные права подданных.

* * *

Когда человек, излагавший эти не вполне традиционные для французского монарха взгляды, вззошел на престол, было неясно, чего от него можно ждать: то ли продолжения политики деда, то ли разрыва с ней. Правда, как утверждает Жакоб-Никола Моро, назначенный Людовиком XVI на пост историографа Франции, уже смертельно больной Людовик XV в самые последние дни принял решение отправить Мопу в отставку, удалить из состава Парижского парламента значительную часть его новых членов, вернуть лучших из числа прежних магистратов и примирить парламент в таком виде с герцогами и пэрами, а также с принцами крови²⁹. Исполнение этого проекта было будто бы уже поручено государственному секретарю иностранных дел Эмманюэлю-Арману де Виньеро Дю Плесси де Ришелье, герцогу д'Эгюйону, но он не был осуществлен из-за смерти короля³⁰.

²⁸ *Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon*. P. 242-243.

²⁹ Против реформы Мопу протестовали почти все принцы крови. К их протесту присоединились также герцоги и пэры. Оппозиция реформе Мопу со стороны принцев крови была вызвана целым рядом причин как личного, так и принципиального порядка. Отчасти она объяснялась их враждебностью по отношению к самому «триумvirату» (так называли министров Людовика XV: канцлера Мопу, государственного секретаря иностранных дел герцога д'Эгюйона и генерального контролера финансов аббата Жозеф-Мари Терре), которому покровительствовала ненавистная им последняя фаворитка Людовика XV Жанна Дюбарри. Кроме того, реформа Мопу грозила умалением их политического веса. Принцы крови являлись пэрами Франции по праву рождения и могли заседать в Парижском парламенте, что было официально признано в 1711 г. королевским эдиктом. В XVIII в. они уже не входили в состав Королевского совета, так что именно Парижский парламент стал каналом их политического влияния. С середины XVIII в. парламентская оппозиция неизменно встречала поддержку с их стороны.

³⁰ *Moreau J.N. Mes souvenirs*. 2 vol. P., 1898-1901. T. 2. P. 89.

Тем не менее, еще летом 1774 г. скорая опала Мопу и отмена его реформы не выглядели неизбежными. В это время оппозиция между сторонниками реформы и ее противниками тесно переплелась с развернувшейся при французском дворе борьбой за влияние на молодого и неопытного короля. Министры Людовика XV, включая Мопу, по-прежнему оставались у власти. В русских дипломатических депешах первых месяцев нового царствования не раз сообщалось о благосклонности короля к канцлеру и об умелых интригах последнего против поддерживавших старый парламент принцев крови³¹.

Современники и историки называли целый ряд возможных мотивов, по которым король восстановил парламенты в их прежнем виде. Среди них – желание действовать на благо подданным, править согласно законам и традициям монархии, но также и слабость короля, отсутствие у него политического опыта и следование дурным советам. Однако на первое место в этом ряду обычно ставят стремление завоевать популярность. На примере отмены Людовиком XVI реформы Мопу историки демонстрируют, насколько во Франции в век Просвещения возросла роль общественного мнения, способного теперь руководить поступками правителей страны³². Еще А. де Токвиль отмечал, что «в то же время, власть имущих охватила новая страсть – погоня за популярностью [...]. Отныне король сошел с трона, а его место заняло общественное мнение, и вскоре эта власть обрела своих придворных и льстецов»³³.

Высказывались, правда, и иные мнения. Так, придворный аристократ герцог Эммануэль де Крои полагал, что не возвращение парламента повысило популярность Людовика XVI, а совсем наоборот: французы возлагали большие надежды на молодого короля и поэтому поначалу готовы были с восторгом принимать все, что бы он ни делал, в том числе и восстановление старого парламента. По словам де Крои, уничтожение парламента в результате реформы Мопу было в свое время воспринято спокойнее, чем принято думать. «Его возвращение наделало больше шума, потому что совершилось среди энтузиазма, сопровождавшего начало нового царствования»³⁴.

---

³¹ См., например, депеши от 6 (17) и 10 (21) июля 1774 г. // Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ). Ф. 93/6. Сношения России с Францией. 1717-1809 гг. Д. 292. Л. 50-51, 59-60.

³² *Cornette J. Histoire de la France: Absolutisme et Lumières, 1652-1783. P., 1993. P. 137; Hardman J. Louis XVI. New Haven, L., 1993. P. 38.*

³³ *Tocqueville A. de. Coup d'œil sur le règne de Louis XVI depuis son avènement à la couronne jusqu'à la séance royale du 23 juin 1789, pour faire suite à l'Histoire philosophique du règne de Louis XV, par le c-te de Tocqueville. P., [s.d.]. P. 13-14.*

³⁴ *Croÿ E. de. Journal inédit du duc de Croÿ, 1718-1784. P., 1907. T. 3. P. 153.*

С мнением де Крои согласуется точка зрения аббата Жозефа-Альфонса де Вери, близкого к наставнику Людовика XVI Жану-Фредерику Фелипо, графу де Морепе и потому хорошо информированного о государственных делах. Он полагал, что «дело парламента» не имело того значения, какое ему придавало общественное мнение. «По моему мнению, – писал де Вери в дневнике, – оно уже было решено, а их форма установлена в 1771 г., за исключением некоторых изменений, которые стоило бы внести со временем. Протесты некоторых принцев крови и двенадцати пэров, как мне кажется, не вызвали затруднений. Королю стоит лишь показать им твердую волю, и вскоре они забудут, что нерушимый Парламент неотделим от фундаментальной конституции монархии. Тот парламент, который созывал Карл Великий, представлял собой нацию. Нынешние же представляют собой корпорации магистратуры, созданные недавно королями, чтобы судить споры между гражданами и надзирать за исполнением законов»³⁵. По мнению де Вери, следовало бы лишь вернуть опальных магистратов из ссылки и компенсировать им стоимость конфискованных должностей, которая является не чем иным, как государственным займом и составляет «частную собственность» (“une propriété personnelle”) держателя должности. Эти меры позволили бы в течение полугода найти среди старых магистратов «мудрых и честных людей» (“des gens sages et honnêtes”), ввести их в состав нового парламента и, таким образом, полностью уладить конфликт.

Решение короля выглядело тем более неожиданным, что его высказывания и поведение в прежние годы позволяли надеяться на продолжение реформы Мопу. Его воспитатель герцог де Ла Вогийон был преданным сторонником иезуитов и врагом парламента. Свое недовере к парламентам ему отчасти удалось внушить и юному дофину. В декабре 1770 г. на королевском заседании Парижского парламента, в ходе которого были принудительно зарегистрированы эдикты о реформе Мопу, Людовик, тогда еще шестнадцатилетний наследник престола, сказал, обращаясь к канцлеру, «что он только что возложил корону на голову Короля»³⁶. Тогда же на полях своего экземпляра дисциплинарного эдикта Мопу он написал: «Вот истинное публичное право, я восхищаюсь господином канцлером»³⁷. В глазах Людовика XVI министерство его деда выглядело бесспорно талантливым, но имело дурную репутацию, главным образом, из-за того, что опиралось на поддержку мадам Дюбарри. Среди влиятельных министров покойного короля его

³⁵ *Véri J.-A., abbé de.* Journal de l'abbé de Veri. 2 vol. P., 1928-1930. T. 1. P. 120.

³⁶ *Croy E. de.* Op. cit. P. 130.

³⁷ См.: *Laugier L.* Turgot, ou le mythe des réformes. P., 1979. P. 158.

преемник особенно ценил канцлера Мопу. Во всяком случае, именно к нему первому, едва взойдя на престол, он обратился за советом со словами: «Сударь, постигшее меня великое горе усугубляется тем, что я никого не вижу³⁸. Мне всегда доставляли самое большое удовольствие выказываемые вами рвение и преданность интересам короля и монархии; я не сомневаюсь, что вы останетесь столь же преданным и мне. Жду возможности вас увидеть; напишите мне, если что-нибудь произойдет, и я вам тут же отвечу. Людовик-Август»³⁹.

В тот момент король не имел физической возможности приблизить Мопу к себе в качестве умудренного опытом наставника, поскольку канцлер находился в десятидневном карантине. А тем временем при активном участии тетки Людовика XVI Мадам Аделаиды на роль королевского ментора выдвинулся граф де Морепа. Занимавший в первой половине XVIII в. посты государственного секретаря королевского дома и флота, а затем попавший в опалу в результате ссоры с маркизой де Помпадур, семидесятирехлетний Морепа был возвращен Людовиком XVI из долгой ссылки, стал наставником молодого короля и фактически исполнял обязанности первого министра, хотя формально так и не получил этого поста.

Большинство министров и советников короля поддерживали реформу Мопу. Из девяти членов государственного совета⁴⁰ только ментор короля граф де Морепа и морской государственный секретарь Пьер-Этьен Буржуа де Буан выступали за возвращение старого парламента. Все остальные высказывались за продолжение реформы, обещавшей, с их точки зрения, «полную и абсолютную власть короля»⁴¹.

С точки зрения ментора короля графа де Морепа, парламенты в их прежнем виде представляли собой неотъемлемый элемент государственной системы французской монархии: не будет парламентов – не будет мо-

---

³⁸ Так как Людовик XV умер от ветряной оспы, был установлен карантин и к Людовику XVI не допускались члены королевской семьи, министры и придворные, контактировавшие с покойным монархом.

³⁹ Цит. по: *Flammermont J. Le Chancelier Maupeou et les parlements*. P. 554. Под этим посланием, составленным сразу после восшествия на престол, Людовик XVI по привычке подписался так, как он делал, будучи дофином.

⁴⁰ В начале царствования Людовика XVI в состав государственного совета входили канцлер Мопу, маршал Шарль де Субиз, Морепа, государственный секретарь королевского дома Луи Фелипо герцог де Ла Врийер, государственный секретарь Анри-Леонар-Жан-Батист Бертен, генеральный контролер финансов аббат Терре, морской государственный секретарь Пьер-Этьен Буржуа де Буан, военный государственный секретарь Луи-Никола-Виктор де Феликс д'Ольер граф дю Мюи и сменивший д'Эгюйона государственный секретарь иностранных дел Шарль Гравье граф де Верженн.

⁴¹ *Croy E. de. Op. cit.* P. 129.

нархии. Возможно, его взгляд был устремлен на несколько десятилетий назад, в те прекрасные времена, когда он, еще молодой и полный сил возглавлял государственный секретариат королевского дома и морское министерство при первом министре Людовика XV кардинале де Флэри. Сильное министерство Флэри, способное управлять парламентами, служило ему образцом для подражания. Он считал, что если создать сплоченное министерство, какое было при Флэри, то парламентская оппозиция не будет страшна.

Биограф Людовика XVI Дж. Хардман предположил, что, советуя королю восстановить старый парламент, Морепа мог руководствоваться не только политическими принципами, но и карьеристскими соображениями. Дело в том, что король, хотя и приблизил его к себе, но официально не назначил первым министром. Морепа собирался играть эту роль фактически, для чего ему требовалось отправить в отставку министров покойного короля и сплотить вокруг себя министерство единомышленников. Достичь этой цели можно было только при условии радикального изменения политического курса⁴².

Решая вопрос о возможной отставке министров своего деда и восстановлении парламентов, король столкнулся с серьезной дилеммой: его ментор Морепа предлагал противоположное тому, на чем настаивали другие авторитетные советники и министры. Среди особ, приближенных к королю и соперничавших между собой за влияние на него, большинство министров и тетки короля защищали «парламент Мопу», а королева Мария-Антуанетта, Морепа и принцы крови добивались отставки Мопу, отмены реформы и возвращения старых парламентов. Придворная аристократия обсуждала возможность дальнейших преобразований, нацеленных на усиление политической роли высшей знати. Особую активность проявляли Луи-Филипп, герцог Орлеанский и его сын Луи-Филипп-Жозеф, герцог Шартрский (будущий Филипп Эгалитэ). Как записал в своем дневнике герцог де Крои, «поговаривают даже, что герцог Орлеанский предложил советы грандов королевства и другие новые формы. Это был решающий момент. [...] партия недовольных говорила, что это единственно подходящий момент, чтобы вернуть Нации ее законную свободу и предохранить себя от деспотического произвола. Итак, мы ясно видим, что это было действительно решающее мгновение, призванное повлиять на все последующее царствование»⁴³. Возникли даже проблемы с проведением торжественной мессы в память о Людовике XV, так называемой церере-

---

⁴² *Hardman J.* Op. cit. P. 30-31.

⁴³ *Croy E. de.* Op. cit. P. 129.

мони катафалка. Присутствовавшим на ней принцам крови полагалось приветствовать парламент, а они категорически отказывались это делать.

Но первоначально король склонялся к тому, чтобы продолжить реформу Мопу. Как сообщает герцог де Крои, «поговаривают, что Королева и оба брата хотели действовать в пользу старого Парламента. В конце концов, молодой Король принял твердое решение, став на сторону канцлера, и объявил своей семье, что совершенно запрещает им впредь говорить об этом»⁴⁴. В июле 1774 г. король успокоил магистратов «парламента Мопу» относительно ходивших в обществе слухов о скором возвращении старого парламента и уполномочил канцлера передать им пожелание спокойно работать, не обращая внимания на сплетни. В течение следующего месяца он продолжал поддерживать своих министров, высказывавшихся за реформу, и не уступал давлению со стороны враждебно настроенных к ней принцев крови⁴⁵.

Как сообщал в депешах полномочный министр Екатерины II при французском дворе князь И.С. Барятинский, «Канцлер Мопу и он Граф де Муи [дю Мюи] имеют великой кредит у короля по той причине, что оба они подкрепляют новой парламент; напротив того принцы крови много стараются в пользу старого, в чем надеялись они успеть посредством графа Морепа [...]. С некотораго времени примечают великое согласие между Королем и Графом Прованским. На против того Его Во и помянутой Принц оказывают холодность к Графу д'Артуа. Причину таковой холодности приписывают тому, что будто примечают, что Граф д'Артуа обходится весьма ласково с Принцами Крови, которые все, выключая одного только графа де ла Марша, у двора принимаются с великою индифферентностию: ибо они продолжают настоять о возвращении старых парламентов»⁴⁶.

Впрочем, отношения с принцами крови постепенно налаживались. Во время церемонии катафалка, состоявшейся в Сен-Дени 27 июля, три принца крови – два брата короля и принц Конде – приветствовали новый парламент, согласно обычаю, а сын принца Конде герцог де Бурбон исполнял обязанности главного церемониймейстера, так что порядок был восстановлен и приличия соблюдены. Только герцог Орлеанский с сыном отказались подчиниться и сохранили верность старому парламенту, за что и поплатились ссылкой в деревню, упрочив свою репутацию лидеров оппозиционной партии.

---

⁴⁴ *Croy E. de. Op. cit. P.130.*

⁴⁵ *La Correspondance politique secrète, le 7 juillet; le 7 août 1774 // Cahiers Louis XVI. 1992. 6. P. 24-25, 30-31.*

⁴⁶ Дешечи от 27 июня (7 июля) и 29 июня (10 июля) [так даты указаны в депешах] 1774 г. // АВПРИ. Ф. 93/6. Д. 292. Л. 34, 37-37 об.

Однако уже менее чем через месяц состоялась «Варфоломеевская ночь министров»: канцлер Мопу и генеральный контролер финансов аббат Терре были отстранены от дел. Мопу стал в общественном мнении олицетворением жестокости, произвола и всего того, что стало принято называть «министерским деспотизмом». Его обвиняли в том, что он якобы сослал членов старого Парижского парламента в горы и на необитаемые острова, где 17 человек умерли, не вынеся обрушившихся на них тягот⁴⁷. Отставка канцлера была встречена взрывом ликования в Париже и сожжением чучела Мопу на площади Дофин. «Можно ли еще яснее выразить свою ненависть?» – воскликнул по этому поводу парижский книгопродавец С.П. Арди⁴⁸. В толпе кричали: «Да здравствует Король и старый Парламент!»⁴⁹

Как мог король так резко изменить свое отношение к Мопу и принять решение о его отставке? Свое объяснение случившемуся предложил герцог де Крои: «24 августа, канун дня Святого Людовика, стал одним из самых памятных и важных дней в истории, повлиявших на будущее Государства и судьбу нового царствования, а привели к нему выбор в пользу г-на де Морепе, сделанный Мадам Аделаидой в самом начале, и благосклонность королевы к партии Шуазеля⁵⁰. Будут ссылаться на законы Государства, скажут, что это неизбежно должно было произойти, и т.д., но в действительности было так, как я сказал, потому что если бы г-н де Морепе не вернулся и если бы Королева не возненавидела канцлера из-за своего выбора в пользу партии герцога де Шуазеля, то всего этого не произошло бы, тем более что это противоречило мнению государя. Вот уж воистину, столь великие

⁴⁷ Депеша от 23 ноября (4 декабря) 1774 г. // АВПРИ. Ф. 93/6. Д. 293. Л. 69.

⁴⁸ *Hardi S.P. Mes loisirs, ou Journal d'Événements, tels Qu'ils parviennent à ma connoissance (du 1764 à 1790). Du mardi 30 août 1774 // Bibliothèque Nationale de France. Ms fr. 6681 (mf. 2567). P. 408.*

⁴⁹ Депеши от 17 (27) августа, 21 августа (1 сентября) и 24 августа (4 сентября) 1774 г. // АВПРИ. Ф. 93/6. Д. 292. Л. 97-102, 110-113.

⁵⁰ Этьен-Франсуа, герцог де Шуазель занимал при Людовике XV посты государственного секретаря иностранных дел, военного и морского государственного секретаря, но в конце 1770 г. неожиданно попал в опалу и был отправлен в ссылку, а бразды правления перешли к «триумvirату» Мопу-д'Эгюийон-Терре. Восшествие на престол Людовика XVI давало ему надежду вернуться к власти с помощью королевы Марии-Антуанетты. Шуазель имел обширные связи в парламентской среде. Парламенты как представительный институт были дороги ему, в первую очередь, потому что в Парижском парламенте имелась палата пэров, в которой он видел канал политического влияния высшей аристократии. В 1778 г. в своей частной типографии Шуазель отпечатал мемуар. В нем он предлагал создать в стране постоянно действующие Генеральные штаты, которые формировались бы из числа депутатов провинциальных штатов и действовали бы под контролем палаты пэров (см.: *Mémoires du duc de Choiseul. P., 1904. Appendix XII. P. 436-444.*)

потрясения в один момент, и ведь ничто к ним не принуждало! Ибо стоило лишь Королю, как в самом начале, запрещать говорить на эту тему и по-прежнему наводить во всем порядок и экономию, и разговоров об этом больше бы не было»⁵¹.

То есть, по мнению де Крои, решение Людовика XVI объяснялось тем, что он не сумел противостоять давлению со стороны супруги и Морепя. Возможно, в самом деле, два близких человека, которым король всецело доверял, сумели со временем пересилить влияние других членов королевской семьи, большинства министров и советников. Очевидно также, что на окончательный выбор монарха могли повлиять и иные мотивы личного характера. Уже в самом начале нового царствования стали появляться злобные памфлеты, порочащие королеву Марию-Антуанетту. Их авторы и заказчики остались неизвестными, но имелись серьезные подозрения, что за всем этим стоит фигура канцлера Мопу, намеревавшегося таким образом нейтрализовать политическое влияние королевы. Первые записи о придворных интригах против королевы и о порочащих ее слухах появляются в дневнике парижского книгопродавца Арди в середине июля⁵². Как сообщал русский посол князь Барятинский, «скоропостижной ссылки Канцлера Мопу причиною поставляют теперь то, что якобы он уполномочил Аббата имяянуемаго Де Мурие писать жизнь Королевицу предосудительным образом к ея чести. Проведав о сем Аббата арестовали, и теперь содержится он в Бастилии. При сем уверяют, что между бумагами сего Аббе подлинно найдены оригинальные от канцлера письма, касающиеся до помянутого сочинения»⁵³. Король не смог простить Мопу даже предполагаемых оскорблений в адрес любимой супруги, и судьба министра была предрешена. Позднее, уже после опалы канцлера появилась брошюра под названием «Аврора» – «отвратительный пасквиль, исполненный самой черной злобы»⁵⁴, в издании которого вновь обвиняли канцлера.

После опалы Мопу все с нетерпением стали ожидать пересмотра его реформы. Однако, что именно произойдет, оставалось не вполне ясно. Вернет ли король старый парламент в прежнем или в сокращенном составе, останутся пэры в составе Большой палаты или образуют особую Палату пэров, будет ли восстановлена продажа должностей или же магистраты парламента впредь станут назначаться королем, – все эти вопросы живо обсуждались при дворе, в министерстве и в широких

---

⁵¹ *Croy E. de. Op. cit. P. 134-135.*

⁵² *Hardi S.P. Op. cit. Du mardi 12 juillet ; Du vendredi 15 juillet 1774. P. 376, 377.*

⁵³ Дешеша от 7 (18) сентября 1774 г. // АВПРИ. Ф. 93/6. Д. 293. Л. 7об.-8.

⁵⁴ *La Correspondance politique secrète, le 10 septembre 1774. P. 37.*

слоях французского общества⁵⁵. Неясности были вызваны тем, что возвращение парламента готовилось королем совместно с узким кругом доверенных лиц и втайне от большинства министров и советников. Как сообщал современник, «его конфидендентами были гг. де Морепа, де Миромениль, Тюрго и де Сартин⁵⁶, так как все остальные вызывали подозрения. Гг. де Мюи и де Верженн постоянно выказывали себя противниками взглядов Его Величества на сей предмет»⁵⁷.

Мнения представителей французской правящей элиты разделились. Большинство министров по-прежнему советовали королю продолжить реформу. Государственный секретарь королевского дома де Ла Врийер, военный министр дю Мюи и государственный секретарь иностранных дел де Верженн доказывали ему, что в государстве должна быть сильная королевская власть и полностью подчиненный ей парламент. С их мнением были согласны все члены Королевского совета за исключением Морепа⁵⁸. Позицию Морепа разделял его друг Миромениль, назначенный после опалы Мопу хранителем печатей.

По сообщению русского посла, «Граф Морепа, Хранитель Печатей Миромени и Генерал контролер Тюрго, стараются о возвращении старого парламента; а Принц Субиз, Вержен, Де Муи, и Бертен защищают новой. Сии последние предупели склонить на свою сторону также Графа Провансакого и Мадам Аделаиду, коих обеих король более всех любит из своей фамилии. Сверх того все они имеют весьма много им преданных [...] но [...] Граф Морепа, Миромини, и Тюрго имеют великой у короля кредит»⁵⁹. На отмене реформы Мопу неизменно продолжали настаивать принцы крови⁶⁰.

За возвращение старого парламента ратовал и известный государственный деятель Кретьен-Гийом де Ламуаньон де Мальзерб, которого Людовик XVI восстановил в должности первого президента Парижской палаты косвенных сборов, а в 1775 г. сделал государственным секретарем королевского дома. Он направил королю четыре памятные записки, в которых критиковал реформу Мопу как проявление деспотизма⁶¹.

⁵⁵ La Correspondance politique secrète, le 2, le 16 septembre, le 22 octobre 1774. P. 35, 38, 44.

⁵⁶ Антуан-Ремон-Жан-Гальбер-Габриэль Сартин, граф д'Альби – морской государственный секретарь (1774-1780).

⁵⁷ La Correspondance politique secrète, le 8 novembre 1774. P. 48.

⁵⁸ Ibid. le 14 octobre 1774. P. 42-43 ; *Lever E. Louis XVI*. P., 1994. P. 128.

⁵⁹ Депеша от 12 (23) октября 1774 г. // АВПРИ. Ф. 93/6. Д. 293. Л. 41-41 об.

⁶⁰ Депеша от 27 июня (7 июля) и 29 июня (10 июля) 1774 г. // АВПРИ. Ф. 93/6. Д. 292. Л.34, 37-37 об.

⁶¹ *Lever E. Op. cit.* P. 128-129.

Позиция генерального контролера финансов Анна-Робера-Жака Тюрго по данному вопросу не вполне ясна. Во всяком случае, он не противился возвращению парламента⁶². На него могла повлиять аргументация Мальзерб, которого Тюрго ценил очень высоко. Кроме того, большое значение для главы финансового ведомства имели соображения экономии: в случае продолжения парламентской реформы пришлось бы выплачивать бывшим собственникам должностей денежную компенсацию, размеры которой достигали 45 млн. ливров⁶³. Восстановление старого парламента позволяло избежать этих расходов.

Примечательно, что в сообщениях современников о борьбе внутри французской правящей элиты вокруг реформы Мопу после опалы канцлера не упоминается о королеве. Как мы помним, пока решалась его судьба, все неизменно отмечали ее заинтересованность и активность. Это наглядно демонстрирует характер вмешательства королевы в государственные дела, проявлявшийся впоследствии и в других случаях. Сами по себе внутренние дела королевства, в отличие от внешней политики, ее мало занимали, и она не пыталась поддерживать какие-либо реформы или препятствовать им. Ее влияние осуществлялось через «кадровую политику»: через покровительство «своим» претендентам на государственные должности и интриги против неугодных лиц.

В конечном счете, за полгода Морепа, Миромениль и, возможно, Мальзерб общими усилиями сумели убедить короля в необходимости отменить реформу Мопу и восстановить старый Парижский парламент. Можно сказать, что опала Мопу и назначение ему в преемники Миромениля, убежденного противника парламентской реформы, уже предопределила возвращение парламента. Здесь проявилась черта, свойственная французской монархии Старого порядка вообще и монархии Людовика XVI, в частности. Политика государства носила отчетливо выраженный личностный характер. В период царствования Людовика XVI, при отсутствии первого министра этот личностный характер политики спустился на ведомственный уровень. Раз за разом в последние десятилетия истории Франции перед революцией за отставкой министра – сначала Мопу, а затем Тюрго и Жака Неккера – неизбежно следовал отказ от его политического курса.

12 ноября 1774 г. молодой король лично явился в Париж, во Дворец правосудия и провел королевское заседание, на котором парламент был восстановлен в прежнем составе и с правом собственности на

---

⁶² О различных мнениях, высказывавшихся историками по поводу позиции Тюрго, см.: *Фоп Э.* Указ. соч. С. 160-161.

⁶³ *Lever E.* Op. cit. P. 129-130.

должности. В короткой речи монарх дважды сослался на заботу о «счастье и спокойствии народа»⁶⁴. Речь короля представляла восстановление парламента как акт отеческой заботы о благе подданных и не содержала никакой другой мотивировки этого поступка. Подобным образом рассуждал и хранитель печатей Миромениль, который еще в самом начале реформы Мопу, в феврале 1771 г. выражал надежду, что «возвращение гг. из Парламента станет актом доброты (un acte de bonté), совершенным по просьбе принцев крови, а следовательно, милостью (une grâce)». Миромениль аргументировал свою точку зрения тем, что именно доброта лучше всего демонстрирует силу власти: «Сила правления состоит вовсе не в жестком обхождении и не в нескольких суровых показательных акциях, от которых зачастую приходится отказываться в силу обстоятельств или отвергать вскоре после того, как к ним прибегли. Напротив, эта сила состоит в поведении, основанном на твердых и неизменных принципах, всегда и неуклонно умеренном, и в том, чтобы правительство никогда не предпринимало ничего такого, чего оно не в состоянии было бы продолжать. Правительство должно быть величественным, оно должно внушать страх, но карать как можно меньше и никогда не казаться робким, а потому всегда демонстрировать осторожность и доброту»⁶⁵. Рассуждения Миромениля перекликаются с приведенной выше мыслью Людовика XVI, что доброта короля должна быть всегда достоинством и никогда – слабостью. Но подобные рассуждения трудно применить к отмене реформы Мопу в 1774 г. Этот поступок короля выглядел не столько проявлением твердости, сколько уступкой давлению окружающих.

Зарегистрированный на заседании эдикт о восстановлении парламентских должностей, в котором решение короля тоже представлялось, в первую очередь, «актом доброты»⁶⁶, добавлял к этому еще два

---

⁶⁴ Lit de justice pour le rétablissement du parlement, 12 novembre 1774 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. Р. 232.

⁶⁵ Miromesnil à Bertin, 4 février 1771 // Correspondance politique et administrative de Miromesnil. Т. 5. Р. 279, 281.

⁶⁶ Интерпретация восстановления старых парламентов как королевской милости полностью соответствовала пропагандируемому образу Людовика XVI – доброго короля. Это вызвало критические замечания аббата Вери, с точки зрения которого главной добродетелью короля является вовсе не доброта, а справедливость. Согласно Вери, король должен не раздавать милости по доброте душевной, а править по справедливости: «В уста Короля постоянно вкладывают слово *милости* (“*bontés*”). Мне кажется, что это выражение создает у суверена ложное представление о его власти. Бывают своего рода милости (“*grâces*”), наподобие мест при Дворе, которые государь жалует по доброте. Но он никогда не должен называть *милостями* (“*bontés*”) прочие свои отношения с гражданами. Все они составляют

мотива. Один из них – необходимость соблюдать законы: «Так как стабильность законов и магистратов, ответственных за их хранение и исполнение, есть самая прочная основа общественного благосостояния, мы сочли, что она должна быть первым и главным предметом наших отеческих забот». Другой – желание «ознаменовать наше восшествие на престол благодеянием, которое, как нам кажется, отвечает всеобщим чаяниям наших подданных»⁶⁷. Выступавший с ответной речью первый президент восстановленного парламента Этьен-Франсуа д'Алигр изложил те же три мотива принятого королем решения: «Ежели важность мотивов может возвысить ассамблею, в которой В.В. появляется во всем своем блеске, то найдется ли более значительный, чем упрочение царства законов, и более трогательный, чем соединение власти и доброты? Именно в правосудии и доброте проявляется Верховное Существо: оно хочет, чтобы его боялись, ибо оно справедливо, но оно хочет также, чтобы его любили за доброту. Подобно ему, король – его министр и его подобие – более всего заслуживает нашего уважения, когда поступает по справедливости и повелевает людьми сообразно законам; он более всего заслуживает нашей любви, когда следует лишь велению собственного сердца и заботится о счастье подданных. В.В. только что слышал всеобщие крики радости; эти крики, начавшиеся от самого въезда в столицу и до сих пор отзывающиеся под этими священными сводами, выражают признательность народа, который приветствует короля, знающего цену этим истинам и руководствующегося ими в своих поступках. [...] Каких только славных имен, Сир, ни стяжает вам в каждом сердце этот столь желанный для Нации день! Благодарность есть прочнейшая основа верности и любви»⁶⁸. Так что д'Алигр, помимо отеческой заботы короля о счастье подданных (со ссылкой на пример Генриха IV – «образец королевских доблестей»), объяснял его поступок осознанной необходимостью соблюдать законы и соответствовать общественным ожиданиям. В приветственной речи

долг справедливости. Вознаграждая, наказывая, издавая законы, вводя и отменяя налоги, он должен всегда руководствоваться принципом справедливости и никогда – принципом доброты. Общая польза – закон для него, как и для каждого гражданина. Единственная разница между ними в том, что у суверена есть сила, а гражданин подчинен силе. Я признаю, что моя критика касается лишь слов; но в Королевских советах должны знать, что слова зачастую влекут за собой дела и что дать государю верное представление о его власти столь же важно, сколь и простому гражданину – о его подчинении» (Journal de l'abbé de Veri. Т. 1. P. 214).

⁶⁷ Edít portant rétablissement des anciens officiers du parlement de Paris // Recueil général des anciennes lois françaises. Т. 23. P. 43-44.

⁶⁸ Lit de justice pour le rétablissement du parlement, 12 novembre 1774 // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. P. 234-236.

«людей короля» Антуана-Луи Сегье, Омера-Луи-Франсуа Жоли де Флерри и Шарля-Луи-Франсуа де Поля де Барантена особо выделялся четвертый мотив: необходимость свято чтить «непреложный закон собственности»⁶⁹, который был нарушен в результате отмены продажи должностей. Закрывая заседание, король заявил, что ожидает от своих судей «приверженности истинным принципам Монархии»⁷⁰.

Наконец, еще один мотив прозвучал в зарегистрированном на этом заседании ордонансе, касающемся дисциплины парламента. Ордонанс увязывал принимаемые меры с возложенной на монарха миссией поддерживать в государстве гармонию и порядок: «Сохранение и слава государства зависят от того, с каким вниманием монарх наводит в нем добрый порядок, следит за отправлением правосудия и удерживает каждого из подданных в рамках его обязанностей; это единственное средство поддерживать гармонию, которая должна царить между всеми членами монархии, и сохранять силу и взаимоотношения, столь необходимые для прочности империи»⁷¹. Об «абсолютной власти» короля в текстах эдиктов и ордонансов, зарегистрированных 12 ноября 1774 г., и в речах выступавших в тот день ораторов стыдливо умалчивалось.

Общественная реакция на отмену реформы Мопу оказалась неоднозначной. По словам одного современника, было «невозможно описать бурную радость, охватившую Двор и столицу в день заседания парламента и после. Король особенно казался преисполненным глубочайшего удовлетворения, но, как мы уже осмеливались предсказывать, есть опасения, как бы этот прекрасный момент вскоре не сменился новыми потрясениями, последствия коих тем более опасны, что против них нет никакого действенного средства! Молодому добродетельному Монарху, одержимому лишь одним желанием по возможности всех осчастливить, должно казаться прекрасным и достойным вернуть Парламенты в ответ на чаяния большинства Нации... , но Король более опытный, более искушенный в политике и в знании людей, и особенно тех, кто объединяется в корпорации и компании, из осторожности не стал бы совершать такой поступок, даже если бы сердцем и склонялся к нему»⁷².

Высказывались опасения по поводу «умаления королевской власти в народном мнении, ибо, как бы ни приукрашивали настоящее изменение, в сознании народа и законников все же останется, что Парламент

⁶⁹ Lit de justice pour le rétablissement du parlement, 12 novembre 1774. T. 3. P. 240.

⁷⁰ Ibid. P. 255.

⁷¹ Ordonnance concernant la discipline du parlement // Recueil général des anciennes lois françaises. T. 23. P. 50.

⁷² La Correspondance politique secrète, le 17 novembre 1774. P. 51-51.

нельзя распустить, потому что его пришлось восстановить». Тревогу вызывали и «настоящее унижение, которое пережили магистраты, поддержавшие Короля в 1771 г., и, соответственно, торжество всех тех, кто ему не подчинился»⁷³. Еще более резко, что вполне естественно, высказался отправленный в отставку канцлер Мопу: «Я помог королю выиграть процесс, тянувшийся вот уже три столетия. Если он хочет проиграть, на то его воля»⁷⁴.

Сообщая о настроениях французского общества, князь И.С. Барятинский отмечал, с одной стороны, что публика почитает возвращение парламента действием правосудия. С другой стороны, по его словам, «есть же еще часть людей, которая разсуждают, что Король весьма неосторожно поступил, что возвратил старые парламенты». И эти люди задаются вопросами, среди которых есть, например, такие: «сей пример не докажет ли что защищать королевскую власть есть безумие? [...] по вступлении старого парламента будет ли король иметь самодержавную власть?»⁷⁵ Примечательно, что современный исследователь Дж. Сванн примерно подобным же образом оценивает, что выиграл и что потерял король, отменив реформу Мопу. С его точки зрения, возврат парламента обеспечил монарху необходимую популярность и запас времени перед проведением других назревших реформ (которые вскоре начнет осуществлять Тюрго). Но за это пришлось заплатить слишком высокую цену: пожертвовать людьми из «парламента Мопу», проявившими готовность служить монархии в самых тяжелых условиях. Вызвав в начале царствования горечь и разочарование у своих самых верных и надежных сторонников, Людовик XVI оказался так одинок впоследствии. Как образно написал Сванн, после отмены реформы Мопу «из административной монархии ушла душа. Век абсолютизма кончился»⁷⁶.

Если сторонники реформы Мопу среди королевских министров и советников утверждали, что она обеспечивала «полную и абсолютную власть короля» (русский посол Барятинский, говоря о том же, употребил более привычное для него словосочетание «самодержавная власть»), то люди, отменявшие реформу, предпочитали на эту тему не рассуждать. Очевидно, за этим умолчанием скрывалось признание, что власть, идущую на уступки, нельзя назвать абсолютной.

---

⁷³ Journal de l'abbé de Veri. Т. 1. Р. 212.

⁷⁴ Цит. по: *Cornette J.* Op. cit. Р. 137.

⁷⁵ Депеша от 12 (23) октября и 30 ноября (11 декабря) 1774 г. // АВПРИ. Ф. 93/6. Д. 93. Л. 42-42 об., 73-74.

⁷⁶ *Swann J.* Op. cit. Р. 368.

* * *

Общепризнанным со времен Жана Бодена различием между монархией и деспотией считалось то, что монарх правит по закону, а деспот – руководствуясь собственным капризом. Именно об этом писал Ш.-Л. Монтескье в трактате «О духе законов» (Кн. 2. Гл. 1), определяя монархическое правление, «при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица»⁷⁷. Считалось, что монарх, наделенный абсолютной властью, уважает и соблюдает законы. Признанными знатоками законов были парламенты, поэтому король, издавая законы, согласовывал их с парламентами. События 1770-1774 гг. поставили под сомнение эти азбучные истины. Ведь по воле короля парламенты в их прежнем виде были уничтожены, магистраты отправлены в ссылку, а три года спустя опять по воле короля все возвратилось на свое место. Перед современниками вставали серьезные проблемы: что же представляет собой французская монархия? Есть ли законные пределы абсолютной власти короля? Не дают ли произошедшие события основание говорить об изменении государственного строя, о превращении монархии в деспотию? Мнения на этот счет разделились.

Оппозиционная точка зрения парламентов нашла отражение в ремонстрациях, публичных выступлениях магистратов и инспирированных ими памфлетах. В официальных парламентских постановлениях признавалось в качестве «нерушимой максимы, что В. В. получили власть от самого Бога, что всякая власть политического порядка исходит от власти Короля, что магистраты являются лишь вашими должностными лицами (*officiers*) и что осуществляемая ими власть есть не что иное, как собственная власть В. Величества, наконец, что право создавать законы принадлежит лишь вам неограниченно и безраздельно»⁷⁸.

Вместе с тем, с точки зрения магистратов, право парламентов участвовать в законодательной власти путем верификации и регистрации королевских актов составляло неотъемлемую часть «конституции монархии». Именно на парламенты, т.е. на самих себя они возлагали высокую миссию следить за соблюдением фундаментальных законов королевства. В протестах Парижского парламента по поводу реформы Мопу отмечалось, что нововведения «искажают конституцию Монархии»

---

⁷⁷ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 169.

⁷⁸ *Lit de justice pour l'enregistrement de l'édit de novembre portant règlement de discipline // Remontrances du parlement de Paris au XVIIIe siècle. Т. 3. Р. 177-178.*

и представляют собой «опасные нарушения, грозящие законам Королевства и конституции Государства». Парламент рассматривался как институт, отправляющий властные полномочия наряду с королем и разделяющий с королем его ответственность перед подданными. Напоминая о королевской клятве даровать народу «справедливость и милосердие», магистраты парламента заявляли о своей «обязанности сделать так, чтобы король исполнил клятву, данную во время помазания, и столь усердно этим заниматься, чтобы по вине магистратов не случилось никакой жалобы и совесть короля была бы чиста»⁷⁹. Уничтожив парламенты, монархия выродилась в деспотию. Само понятие «абсолютная власть короля» обычно употреблялось парламентскими магистратами как синоним «деспотизма». В речах, произнесенных первым президентом Парижского парламента д'Алигром в ходе упомянутой выше процедуры принудительной регистрации дисциплинарного регламента 1770 г. и в последующие дни, об абсолютной власти короля говорилось двояко: то в нейтральном контексте, то с явным осуждением. Характерно, что данное определение прозвучало нейтрально, когда д'Алигр цитировал слова своего предшественника, первого президента Парижского парламента де Арле, обращенные к Генриху IV⁸⁰. Но когда д'Алигр, говоря уже от своего лица, называл правительственные меры «актами абсолютной власти» (“les actes d'autorité absolue”)⁸¹, то он наделял понятие «абсолютная власть» откровенно негативным смыслом. Так же осуждающе звучало это выражение и в постановлении Парижского парламента против «законов, зарегистрированных путем применения абсолютной власти»⁸².

И позднее, когда Людовик XVI отменил реформу Мопу и восстановил старый Парижский парламент, тот, протестуя против практики принудительной регистрации законодательных актов на королевском заседании, вновь осуждал их как проявления «абсолютной власти»: «Всевозможные эдикты, декларации и королевские письма, насильно зарегистрированные на королевском заседании, во все времена рассматривались как акты самой абсолютной власти, когда-либо применявшейся в монархии»⁸³.

---

⁷⁹ Lit de justice pour l'enregistrement de l'édit de novembre... Т. 3. P. 162-163.

⁸⁰ Де Арле говорил о долге парламента разрешать «конфликт между абсолютной властью Короля и благом королевской службы» (Ibid. P. 172).

⁸¹ Ibid. P. 165.

⁸² Ibid. P. 179.

⁸³ Arrêté du parlement les chambers assemblées, les princes et pairs y séant, contenant des remontrances sur divers articles des édits de novembre 1774, 30 déc. 1774 // Recueil général des anciennes lois françaises. Т. 23. P. 124.

В 1770-1771 гг. в официальных документах о парламентской реформе, речах самого канцлера Мопу и его сторонников абсолютная власть короля трактовалась как власть никем и ничем не ограниченная, а вопрос о соблюдении королем законов обходилась стороной. Спустя три года в текстах законодательных актов и официальных речах нарушенный баланс между абсолютной властью короля и неприкосновенностью законов был восстановлен. Отмена реформы Мопу аргументировалась и как проявление королевской «милости» (т.е. абсолютной власти), и как восстановление законного порядка.

Развернутое обоснование доктрина «абсолютной монархии» последних десятилетий ее существования получила в сочинениях историков и юристов, на которых мы и остановимся в заключение. Больше всех на эту тему писал историограф Франции Ж.Н. Моро. Он считал абсолютную власть неотъемлемым принципом любого правления. При этом, по Моро, любое правительство должно выполнять свое предназначение, заключающееся в том, чтобы хранить и защищать естественные права человека (к их числу он относил права на жизнь и собственность)⁸⁴. Рассуждая о том, что он именовал «основами политической конституции», Моро выделял «фундаментальные законы любого правления» и «фундаментальные законы французской монархии». К числу первых он относил наличие абсолютной силы, способной всегда принудить к повиновению; обеспеченную законами неприкосновенность жизни, состояния и собственности всех граждан, а также право подданных обращаться к государю с требованиями исправить злоупотребления и навести порядок⁸⁵. Говоря о фундаментальных законах французской монархии, он называл лишь два: сосредоточение всей власти в руках короля и запрет наследовать престол по женской линии⁸⁶.

Не всякая воля государя есть закон, – утверждал Моро. Закон – это «обсужденная воля» (“la volonté délibérée”). В принятии закона, наряду с монархом, должны участвовать некие «советы», призванные помочь ему вынести разумное и справедливое решение⁸⁷. Следует обратить внимание, что все это было написано еще до истории с реформой Мопу.

⁸⁴ Moreau J.N. Les Devoirs du Prince, réduits à un seul principe, ou Discours sur la justice. Dédié au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. Nouv. éd. P. : Impr. de Monsieur, 1782. P. 201-202 (это сочинение было написано еще в 1767 г. и впервые опубликовано в 1775). О Моро см.: Gembicki D. Histoire et politique à la fin de l’Ancien Régime : Jacob-Nicolas Moreau (1717-1803). P., 1979.

⁸⁵ Moreau J.N. Les Devoirs du Prince. P. 188-190.

⁸⁶ Ibid. P. 191-193.

⁸⁷ Ibid. P. 319-320.

Король, – подчеркивал Моро, – не является собственником над подвластной ему страной и потому не имеет права подавлять своих подданных. Объясняя характер взаимоотношений короля с подданными, Моро использовал две метафоры. Во-первых, он уподоблял власть короля власти «отца семейства, научившего детей смирять страсти, чтобы быть счастливыми», а для этого он должен править по справедливости и по закону⁸⁸. Во-вторых, король у Моро – это пастырь, ведущий свой народ. Король знает путь, но пройти его он может только вместе с народом: «Без Суверена народа не знает пути; без Нации Суверен бессилён»⁸⁹.

В более поздних сочинениях Моро апологетика абсолютной власти короля усилилась. Изданный в годы царствования Людовика XVI главный труд жизни Моро – многотомную историю Франции – предваряет письмо, в котором автор опровергает раздающиеся в его адрес обвинения в приверженности деспотизму. Главная тема этого вводного письма – отличие монархии с абсолютной властью короля от деспотии. В нем Моро счел необходимым напомнить просвещенным современникам о Божественном происхождении абсолютной власти короля, который должен отвечать за свои дела лишь перед самим Богом: «При первой и второй расах⁹⁰ считалось фундаментальной максимой, что выше Короля есть только один Бог и что ни Гранды, ни Нация не могут ни отнять у него право на абсолютную власть, ни лишить бесповоротно возможности осуществлять ее»⁹¹. Моро повторил вслед за Боссюэ его определение абсолютной королевской власти: «Вслед за великим Боссюэ я повторял и всегда буду повторять, что власть наших Королей по сути своей абсолютна; но к этому я прибавил и прибавлю снова и снова, что она по сути своей также подчиняется правилам и существует согласно правилам»⁹². «Власть Монарха, – заключал Моро, – по сути абсолютна, но ни в коем случае не произвольна»⁹³. Согласно Моро, суть монархии повсюду и во все времена составляют, во-первых, корпус законов, а во-вторых, – корпус магистратуры (т.е. парламенты),

---

⁸⁸ *Moreau J.N. Les Devoirs du Prince. P.443.*

⁸⁹ *Moreau J.-N. Principes de morale, de politique et de droit public, Puisés dans l'Histoire de notre Monarchie, ou Discours sur l'Histoire de France. Dédiés au Roi. Par M. Moreau, Historiographe de France. 21 vol. P., 1777. T. 7. P. 355.*

⁹⁰ Т.е. при Меровингах и Каролингах. «Третья раса» – династия Капетингов.

⁹¹ *Moreau J.N. Des différences de la Monarchie et du Despotisme, ou Lettre de M.M. à M.D.L.C. A Paris, ce 2 Janvier 1774 // Principes de morale. T. 1. P. 28.*

⁹² *Ibid. P. 10.*

⁹³ «L'autorité du Monarque [...] est essentiellement absolue, mais ne doit jamais être dissolue» (*Moreau J.N. Principes de morale. T. 1. P. 12.*)

призванный следить за исполнением этих законов⁹⁴. Однако, полемизируя с защитниками парламентов и критиками «министерского деспотизма», Моро подчеркивал, что парламенты являются органами, действующими от имени и по поручению монарха и представляющими монарха, а не нацию. «Но в какую бы эпоху и под каким бы наименованием ни возник парламент, – рассуждал Моро, – никогда он не составлял корпуса, делегированного или уполномоченного Нацией; при первой, второй и третьей расах он всегда был корпусом Магистратуры, представлявшим Суверена, и носителем его [суверена] власти, обязанным просвещать его своими советами»⁹⁵.

Итак, Моро, опираясь на авторитет Боссюэ, пытался найти компромисс между абсолютной властью короля и соблюдением законов, хотя и отдавал явный приоритет королевской власти. Именно компромиссная концепция официального историографа Франции была в наибольшей степени созвучна взглядам самого короля (что неудивительно, так как Моро входил в число его учителей и давал будущему монарху уроки истории), и Моро, более чем кого-либо из числа современников, можно считать теоретиком монархии Людовика XVI. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о современниках, так как в глазах короля Моро, конечно же, был менее авторитетным мыслителем, чем Фенелон.

Концепция «монархии Людовика XV» тоже получила развитие, но уже в самом конце Старого порядка. Идея абсолютной власти как власти ничем не ограниченной, кроме доброй воли самого короля, нашла последовательное отражение в объемистом «Трактате о правах, обязанностях, вольностях, льготах, прерогативах и привилегиях», составленном несколькими правоведами⁹⁶. Авторы трактата (Пьер-Жан-Жак Гюйо и другие) утверждали, что именно абсолютный характер королевской власти составляет суть фундаментальных законов, или конституции французской монархии. Если Моро еще по традиции старался примирить суверенную волю короля с соблюдением законов, то здесь выбор был безоговорочно сделан в пользу власти короля:

---

⁹⁴ *Moreau J.N. Principes de morale.* P. 55.

⁹⁵ *Ibid.* P. 39.

⁹⁶ *Guyot P.J.J. et al. Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives, et privilèges annexés en France à chaque dignité, [...] ouvrage de plusieurs jurisconsultes et gens de lettres et publ. par MM. Guyot et Merlin.* 4 vols. P., 1786-1788. Среди авторов трактата были адвокаты и советники Парижского и провинциальных парламентов Гюйо, отец и сын Буше д'Аржи, Де Сез, Гарран де Кулон, Анрион де Пансе, Мерлен, Робен де Моза, Трейар.

«Фундаментальные законы французской монархии немногочисленны [...]. Они устанавливаются:

1) Независимость короны; *Король не держит ее ни от кого, кроме Бога и самого себя* (Установления Святого Людовика, кн. 1, гл. 76).

2) Абсолютную власть монарха в создании законов – власть, сосредоточенную полностью, единственно и по существу в особе Короля. *Чего хочет Король, того хочет закон*, – гласят наши древнейшие конституции.

3) Неотчуждаемость этой высшей власти, согласно формуле клятвы, которую короли третьей расы до Людовика VIII произносили во время венчания на царство: «Я сохраню в неприкосновенности *Суверенитет*, права и преимущества французской короны, я не буду ни передавать их кому бы то ни было, ни отчуждать».

[...] Такова конституция монархии, таково французское правление»⁹⁷.

Разумеется, юристы конца Старого порядка не могли обойти молчанием столь обострившийся в результате реформы Мопу вопрос о различии между монархией и деспотией и предложили своеобразное, нетривиальное решение. Они признавали, что «власть государя столь же полна и абсолютна как при монархии, так и при деспотии», но разница между первой и второй все же существует. Пытаясь обозначить эту разницу, наши авторы ссылались на авторитет Монтескье, но отнюдь не на ставшее классическим определение, согласно которому монарх правит посредством законов, тогда как произвол деспота не ограничен законами и правилами. Они цитировали другой отрывок из трактата «О духе законов» (Кн. 3. Гл. 10), где говорится, что «хотя в этих двух видах правления характер повиновения неодинаков, тем не менее у них одна и та же верховная власть. Куда бы ни обратил свой взор государь, он всюду заставляет чашу весов склониться на свою сторону и ему повинуются. Все же различие тут в том, что в монархиях государь – люди более просвещенные»⁹⁸. Развивая эту мысль, авторы «Трактата о правах...» отмечали, что при деспотическом правлении господин командует рабами и единственным правилом является его сиюминутная воля или каприз. «В монархии же, напротив, это отец, который, желая выказать свою волю детям, сам предлагает им просветить его и приказывает открыть ему правду»⁹⁹. Таким образом, Гюйо

---

⁹⁷ Guyot P.J.J. et al. Traité des droits. Т. 1. Р. 11-12.

⁹⁸ Монтескье Ш. Указ. соч. С. 186.

⁹⁹ Guyot P.J.J. et al. Op. cit. Т. 1. Р. 12.

с соавторами пересмотрели классическую концепцию французской монархии и фактически пришли к идее просвещенного деспотизма.

* * *

Попробуем подвести итоги. Рассмотренная история реформы Мопу и скорой ее отмены показывает, что в 1770-е годы понятие «абсолютная власть монарха» оставалось важным элементом политического дискурса. Вместе с тем, оно стало спорным и неоднозначно эмоционально окрашенным. Сохраняя по-прежнему позитивные коннотации в официальных речах и документах, в парламентских текстах оно превратилось в синоним деспотизма и произвола и обрело уже тот смысл, какой впоследствии будет иметь возникшее в годы революции понятие «абсолютизм».

Кроме того, «казус» с упразднением и последующим восстановлением парламентов наглядно продемонстрировал присущий французской монархии Старого порядка личностный характер правления. Ответственное политическое решение могло приниматься монархом, исходя не только и даже не столько из принципиальных, сколько из личных соображений или под влиянием ближайшего окружения, а опала министра влекла за собой отказ от проводившейся им политики. Вместе с тем, при всем значении личных мотивов и случайных обстоятельств, отмена реформы Мопу выглядит вполне закономерной, если принять во внимание размышления юного дофина Людовика-Августа о монаршей власти.

События 1770-1774 гг. выявляют различия между монархией Людовика XV и монархией Людовика XVI в области как теории, так и практической политики. В первой явственно проступали черты французского варианта «просвещенного деспотизма». Вторая с трудом поддается однозначному определению. С одной стороны, она выглядит более традиционной в трактовке вопроса о соотношении воли короля и законности. С другой стороны, возводимая в принцип обязанность защищать естественные права индивида была далеко не традиционна. Сознательно король это сделал или нет, но получилось так, что во имя соблюдения законов и прав подданных он уступил парламентам. Впрочем, вероятно, с точки зрения самого Людовика XVI, это не нанесло урона его абсолютной власти, если он понимал ее по Фенелону как власть судить в последней инстанции. Ведь последнее слово пока еще оставалось за королем.